

Великий художник-гражданин

К 10-летию со дня смерти
К. С. СТАНИСЛАВСКОГО

«Это не игра, а музыка», — писал Горький под впечатлением чеховских спектаклей Московского Художественного театра и исполнения К. С. Станиславским ролей доктора Астрова, полковника Вершинина, помещика Гаева, графа Шабельского. Красотой, глубоким смыслом этой музыки оказался зачарован зритель нашего города на первом же спектакле молодого, но уже окруженного шумной славой театра, когда 19 февраля 1901 года постановкой «Дядя Ваня» открылись его первые гастроли в Петербурге. В центре спектакля был образ доктора Астрова, воплощенный Станиславским и таким замечательнейшим в благодарной памяти нескольких поколений зрителей. Нельзя было не поддаться неизлечимому очарованию этой прекрасной, щедро одаренной личности, не затеяться озорным, приветливым огоньком, сверкавшим во взгляде этих умных, слегка прищуренных, полных жизни глаз. Трудно было остаться равнодушным, когда этот большой человек, томившийся в узкой обывательской глуши, начинал делиться затаянными мечтами и с удивительной пластической наглядностью описывал, как шумит молодой, посаженный им лес и как в этом шуме он предугадывает счастье будущих обитателей земли.

Прошли годы. После двенадцатилетнего перерыва в нашем городе возобновились традиционные весенние гастроли МХАТ. Зрители нового поколения впервые встретились с лучшим театром страны, и это опять был спектакль «Дядя Ваня», и снова, но возможно еще сильнее, чем раньше, Станиславский восхищал и волновал исполнением роли доктора Ас-

рова. Перед ним были люди, познавшие счастье жизни в «молодом лесу», и трудно предугадать, сколько их под впечатлением встречи с Астровым — Станиславским (так же, как это сделала впоследствии школьница Зоя Космодемьянская, прочитав «Дядю Ваню») заносили в свои дневники астровские слова: «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». В художнике-гражданине Станиславском поистине все было прекрасно.

Через несколько дней нам выпало счастье увидеть Станиславского еще в одной из прославленных его ролей — Сатина в торьковской пьесе «На дне», услышать в его передаче знаменитые слова, которые когда-то именно ему, Станиславскому, довелось первому сказать со сцены: «Человек — это звучит гордо». Красота и сила этой мысли становились особенно ясными, почти физически ощутимыми, когда вы соприкасались с самим Станиславским — артистом, режиссером, мыслителем, гражданином. Это впечатление превосходно выразил Горький, поздравляя «великого реформатора театрального искусства» с семидесятилетием: «Вы, дорогой Константин Сергеевич, удивительно много сделали и еще немало сделаете в своей области для счастья нашего народа, для роста его духовной красоты и силы. Почтительно кланяюсь Вам, красавец-

человек, великий артист и могучий работник, воспитатель артистов».

Станиславский прожил большую, красивую, щедрую жизнь в искусстве, разнообразную, но не изменявшуюся в своей основе, в своем раз навсегда, твердо и уверенно выбранном направлении. С первых шагов в жизни и в искусстве Станиславский был воодушевлен действительным стремлением продолжить и развить лучшие традиции русской художественной культуры, утвердить мощь и поэзию правды на сцене, помочь театру достойно выполнять свои высокие общественно-правственные, идейно-воспитательные задачи.

Золотыми буквами вписана в историю мирового искусства дата 22 июня 1898 года, когда состоялась знаменательная встреча Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, фактически положившая начало организации Московского Художественного театра. Станиславский к этому времени уже был широко известным режиссером-новатором и артистом, создавшим ряд значительных постановок в основном им «Обществе литературы и искусства». С наибольшей полнотой и разнообразием творческих поисков Станиславскому удалось осуществить свои мечты на сцене нового театра. «Программа начинающегося дела, — рассказывал он впоследствии, — была революционная. Мы протестовали и против старой манеры игры, и против театральности, и против ложного пафоса, декламации, и против актерского наигрыша, и против других условностей постановки, декораций, и против премьерства, которое портило ансамбль, и против всего строго

спектаклей, и против ничтожного репертуара тогдашних театров».

Эту программу Станиславский воплотил в галерею замечательных спектаклей, поставленных им в МХАТе, начиная с таких постановок, как «Царь Федор Иоаннович», «Снегурочка», «Власть тьмы», чеховские, горьковские спектакли, и кончая смелыми, новаторскими постановками советских лет — «Горячее сердце» Островского, «Тартюф» Мольера. Как актер, Станиславский развивал эту программу в неподражаемо правдивом по существу и виртуозном, подлинно артистичном по форме исполнении разнохарактерных ролей.

Но, как ни драгоценны режиссерские, актерские создания Станиславского, особенно значительно его наследие как мыслителя и педагога, «чутья» и великого мастера в деле открытия талантов, искуснейшего ювелира в деле воспитания и обработки их. «Если вы нуждаетесь в благодарности Союза Советов, — писал Горький, развивая эту мысль, — так она должна быть воздана вам прежде всего за эту вашу невидимую и, конечно, труднейшую работу создания лучших в мире артистов театрального искусства».

Основы и принципы своей «системы», над разработкой которой пылкий художник трудился до последних дней, свои взгляды на искусство, мысли об общественной роли актера Станиславский изложил в ряде книг и статей: «Моя жизнь в искусстве», «Работа актера над собой», «О ремесле», «Этика», «Художественные записи», в многочисленных беседах, записи которых остаются для будущих актерских поколений драгоценнейшим пособием.

В литературном архиве Станиславского, насчитывающем сотни рукописей, днев-

ников, черновых заметок, еще ждущих опубликования, хранится записная книжка, одну из страничек которой Станиславский озаглавил «Заповеди актера». Первые же мысли, занесенные здесь художником в минуты раздумья, вводят нас в существо его требований к актеру: «Неси в театр крупные чувства и большие мысли, — мелкие же — оставляй у порога», «На сцене живи для себя, а думай для других»...

«Гармоничные артистические натуры — очень нужные человечеству люди. Но нужны они тогда, когда всеми гранями своего существа откликаются на все современное», — говорил Станиславский своим ученикам, определяя место актеров в обществе как «радостных слуг отечества». С испепеляющим презрением говорил он об актере, теряющем чувство своего артистического гражданского достоинства: «...если он просто желает добиться блистания своей личности, если мелкие буржуазные предрассудки вызывают в нем желание победить волей препятствия для того только, чтобы раскрыть себе внешний путь к жизни как «фигуре заметной и видной», — такой подход к искусству — гибель и самого человека и искусства».

Актер обязан, по мысли Станиславского, «пронести с подмостков театра великие порывы человеческой души и показать их, а не себя зрителям... Тогда-то и зажигается в актере тот огонь, который сливается его и зрительный зал в единое целое. Тогда артист становится не избранным для кого-то, но признанным сыном своего народа, в котором бы каждый из зрителей узнал лучшие части самого себя».

Органический враг формалистского извращения искусства, даже в жизни и даже

в искусстве, Станиславский развивал и углублял лучшие реалистические традиции русской сценической культуры.

«Ложь и уродство не могут быть красивы. Ложь и уродство несовместимы с истинным искусством. Искусственность никогда не делается искусством», — не устал повторять Станиславский, найдя всенародную поддержку в своих взглядах на искусство, получив возможность с небывалой полнотой развивать свои творческие опыты в новых, советских условиях. Недаром с такой признательностью писал великий поборник сценической правды: «Большевики любят правду в жизни и правду в искусстве».

Заветы Станиславского продолжают жить и помогать рождению новых, значительных произведений в богатой, творчески насыщенной жизни передового советского искусства. По его книгам учатся быть достойными художниками, гражданами, «радостными слугами отечества» новые поколения актеров. Неизменное крушение терпят ремесленники, пытавшиеся механически канонизировать, свести к мертвой схеме то или другое из отдельных положений «системы» Станиславского.

«Для меня, как и для многих из нас постоянно смотрящих вперед, настоящее, осуществленное, чаще всего кажется уже устаревшим и отсталым по сравнению с тем, что уже видится как возможное», — указывал Станиславский, вновь и вновь призывая художников внимательнее всматриваться в жизнь, активно в ней участвовать, все глубже проникать в «жизнь человеческого духа», окрыленного мыслью о подвиге, неустанно идти вперед, стремиться сделать «возможное» реальным, осуществленным.

Сим. ДРЕЙДЕН